

*Моей маме, которая
научила меня любить истории.
Спасибо за твою поддержку
и бесконечную веру в меня.*

Пролог

Дом не доверял Ки.

Может, он уже и забыл ее, а может, не простил ей побега. Дом смотрел на нее опасно и настороженно. Когда Ки поднималась по ступенькам крыльца, они недовольно прокряхтели. В их старческом бормотании отчетливо слышалось «Принесла нелегкая». Ки коснулась дверной ручки, и та вздохнула — почти обреченно. Дому нравилось быть пустым.

— Солнышко, заходи скорей и не держи дверь открытой, — раздался сзади нетерпеливый голос мамы.

Теперь уже вздохнула Ки. Толкнула дверь и вошла в дом.

После залитой солнцем улицы Реденвуда показалось, что она очутилась в каком-нибудь северном городке, на который опустился вечер. Сквозь плотно задернутые шторы внутрь почти не проникал солнечный свет, и спрятавшаяся под белыми чехлами мебель, похожая на фигурные сугробы, тонула в по-

лумраке. Пока Ки осматривалась, водитель грузовика заносил коробки с вещами в дом. Ее мама Дейдра, тоненькая, с длинной темно-русой косой, командовала, куда их поставить.

Последний раз Ки была здесь пять лет назад — они уехали из Реденвуда через несколько недель после ее семилетия. Теперь в доме царствовала пыль, лежащая на покрывалах. Ки стянула первое и оглушительно чихнула. «Будьте здоровы», — сказала стена. Вторая, с окном, неодобрительно промолчала. Ки едва не сказала вежливой стене «Спасибо», но вовремя прикусила язык.

«Она пришла...» — изумленно выдохнул роскошный трельяж, когда она сдернула с него накидку, словно с невесты — фату. «Вернулась!» — тихо пропело пианино.

Выгрузив коробки, водитель закрыл за собой дверь. Для Дейдры Грейс воцарилась тишина, но в голове Ки голоса духов слились в непрерывный гомон, в котором трудно было что-то разобрать. Как же, такая весть! Младшая и старшая хозяйка вернулись! Перемены, перемены...

Живущие веками делятся на два вида: тех, кто обожает перемены, считая их шансом растормошить однообразные будни, и тех, кто сторонится их. И вот теперь две стороны отчаянно спорили друг с другом, к добру эти перемены или к худу. А дом по-прежнему молчал. Теперь очевидно: он все еще обижен на Ки из-за того, что она однажды его оставила, не зная, что делать ей этого очень не хотелось.

Дейдра растерянным взглядом окинула десятки коробок, в которые они упаковали свою прежнюю жизнь и для надежности скрепили скотчем. Неуверенно улыбнулась дочери:

— Может, сначала чаю?

— Чаю, — с готовностью откликнулась Ки.

Дом понемногу оживал, хоть и ворчал на незваных гостей. Вспыхнул газ на плите, зажурчала вода из крана. Стол и стулья руками Ки сбросили с себя парадно-белые накидки, что прятала под собой пыль. Закипевший чайник весело засвистел, радуясь тому, что годы безделья подошли к концу. Тарелки подставили фарфоровые животы для купленных по дороге пирожных — специально по случаю возвращения в Реденвуд.

— Ох, сколько работы, — вздохнула мама. — Упаковать коробки, убраться и расставить по местам вещи... Возможно, придется сделать перестановку. Мебель в твоей старой детской, боюсь, тебе уже мала. — Она разулыбалась — наверное, от воспоминаний. — Надо убрать на чердак ненужную мебель. Поспишь в бабушкиной комнате, пока я тебе новую не обустрою, ладно?

— Ладно. Я тогда поубираюсь, пока ты будешь разбирать вещи.

Дейдра подозрительно взглянула на Ки, которая с аппетитом поглощала пирожное и, жмурясь от удовольствия, запивала его горячим чаем.

— Что-то я никогда не замечала за тобой любви к уборке.

Ки неопределенно повела плечами. Маме не объяснишь, что сейчас она слишком устала, чтобы слушать, как новые обитатели дома будут ссориться со старыми, отвоевывая себе пространство. Лучше она побудет с давними знакомыми, которые действительно рады ее видеть, и наведет среди них порядок. Подумает о переменах. И... о школе.

Наверняка будет непросто. Ки пропустила несколько месяцев учебы в Глероме — городе, откуда они только что вернулись. Из-за болезни. Так родители это называли — «болезнь». На самом деле Ки много «чудила», как любил говорить ее сводный брат, из-за чего ее временно пришлось перевести на домашнее обучение.

Она пыталась измениться ради мамы, но ничего не могла с собой поделать. Отец говорил, что это очень хорошая школа, но для Ки каждый день в ней был настоящей пыткой. Там почти у всех вещи были новыми, а их духи — глупыми, крикливыми и очень требовательными. Взять хоть компьютеры в компьютерном классе — их духи очень заносчивы и высокомерны. Думают, что знают обо всем лучше всех. Или вот новенькие телефоны, с которыми щеголяла половина учеников. Их духи — ужасные создания, очень жадные до внимания. Как только хозяин забывал о телефоне хотя бы на несколько минут, они тут же начинали вопить, привлекая к себе внимание. И хотя голоса духов могла слышать одна лишь Ки, ученики послушно прикасались к телефонам снова и снова, будто не отдавая себе в этом отчета.

Из-за постоянного шума, что издавали нашедшие пристанище в чужих вещах духи, Ки никак не могла сосредоточиться на учебе. Однажды не выдержала и закричала, чтобы они замолчали. Над ней смеялся весь класс, ее начали дразнить, и находиться в школе стало совсем невыносимо.

Доев пирожное до последней крошки, Ки направилась в комнату, которая раньше принадлежала ее бабушке. Когда Ки была малышкой и еще не знала о том, что отличает ее от других людей, ей всегда нравилось здесь находиться. Теперь она понимала почему. Бабушкины вещи будто бы впитали частичку ее души и сами были теплыми и добродушными. Ки подозревала, что в домах у хороших людей и духи никогда не бывают плохими.

Старое зеркало радостно отметило, как она повзрослела. «Вернулась, Ки вернулась!» — изумленно зашептала кровать. Растянувшись на ней, Ки улыбнулась — на душе стало уютно и тепло.

Она дома.

ГЛАВА 1

Время перемен

Первый день в школе стал первым испытанием для Ки.

— А у нас новая ученица! Ее зовут Кира, — нарочито веселым голосом сказал мистер Пип.

Ки не понравился его голос. Она никогда не любила притворство. Зачем притворяться, если можно говорить то, что думаешь, и делать то, что захочешь?

Однако больше всего ей не понравилось другое.

— Вы ошиблись. Меня зовут Ки, а не Кира, — строго поправила она.

— Хорошо, — растерялся мистер Пип. — Ки так Ки.

— Ки — это кикимора, что ли? — рассмеялась девочка за первой партой.

— Ки — это Ки, — неодобрительно сказала она. —

Ты слишком глупая, если не понимаешь таких очевидных вещей.

Мистер Пип подавился кашлем, зато хоть прилепленная к лицу улыбка сползла. Девочка побелела и пронзила ее злым взглядом, а Ки невозмутимо направилась вперед, чтобы занять единственное свободное место в классе. Как только она села, черноволосый и кареглазый паренек за партой слева повернулся к ней, выставляя растопыренную пятерню:

— Дай пять! Викторию давно надо было поставить на место. Слишком много о себе воображает.

— Ничего я тебе не дам, — растерялась Ки, на всякий случай покрепче обнимая рюкзачок. Подумав, буркнула с укором: — Вымогатель.

— Тебе что, никогда пять не давали? — изумленно отозвался тот.

Руку опустил и, бросив на нее еще один косой взгляд, отвернулся. «Дать пять», — мысленно повторила Ки, вынимая из рюкзака тетрадь и учебник.

Урок был скучным, мистер Пип — еще скучней, ученики постоянно оглядывались на нее и перешептывались. Ки долго смотрела на того самого черноволосого паренька, так увлеченно грызущего ручку. Она знала, что не должна вмешиваться — мама настойчиво попросила ее «постараться не говорить людям всяческих странностей», но все-таки не удержалась и шикнула, заставив его обернуться.

— Твоей ручке не нравится, когда ее грызут.

Он фыркнул и снова повернулся к доске. Ки нахмурилась.

— Я серьезно! Ей неприятно. И больно — ну, не в прямом смысле, но... Вот тебе бы понравилось, если бы тебя грызли?

Он задумался — наверное, представлял.

— Думаю, вряд ли.

— Ну так вот! — возмущенно воскликнула Ки.

Черноволосый паренек вздохнул, но все же отвел ото рта ручку. Теперь он крутил ее между пальцев, и у нее явно кружилась голова, но так всяко было лучше. Наклонившись к проходу, чтобы оказаться поближе к Ки, он шепнул:

— Ты странная. — Непонятно было, одобряет он это или осуждает.

— Знаю, мне часто это говорят.

— И имя у тебя странное.

— Вот и неправда! — снова возмутилась Ки.

Мистер Пип пристально взглянул на нее, но она и бровью не повела. Все равно ясно, что в этой школе она надолго не задержится. Как и в любой другой.

— Вот и правда! Я — Филипп, и это самое нормальное имя из всех возможных.

— Филин.

— Нет, Филипп, — терпеливо повторил он.

— Но ты похож на Филина. Ты взъерошенный и глаза у тебя умные. Я буду звать тебя Филин.

Он во все глаза уставился на Ки.

— Ты всегда такая упрямая?

— Да, я же заставила всех называть меня Ки.